

12+

АНДРЕЙ ХУТОРСКОЙ

Три огня. Нить рода

КНИГА 1



Андрей Хуторской

Три огня. Нить рода. Книга 1

«Издательские решения»

Хуторской А.

Три огня. Нить рода. Книга 1 / А. Хуторской — «Издательские решения»,

«Ты — никто», — сказал дед. Тринадцатилетний Радим из племени радимичей ищет имена предков, чтобы вернуть своё достоинство. Три судьбы, три нити, три огня — они ещё не сошлись, но нить уже тянется. Пока Радим куёт наконечник и проходит испытания, на Оке растёт воин Вятша, а на реке Великой — ведунья Любава. Авары идут с востока. Лесная школа, духи, руны — и встреча, которая изменит всё. Славянское историческое приключение о взрослении, памяти и силе рода. Для читателей 10–16 лет и их родителей.

© Хуторской А.

© Издательские решения

Содержание

Введение. Как устроена эта книга	6
Глава 1. «Кто я без имени?»	9
1	9
2	10
3	12
4	13
5	14
6	15
7	16
8	18
9	19
10	20
11	21
12	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Три огня. Нить рода

Книга 1

Андрей Хуторской

© Андрей Хуторской, 2026

ISBN 978-5-0071-4576-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-4577-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краткое содержание

Введение. Как устроена эта книга

Три героя, три племени, три огня. «Мой огонь» — для подростка, «Моя мудрость» — для взрослых. Природа VI века. Три принципа славянской педагогики.

Глава 1. «Кто я без имени?» — Радим

Позор на вече. Дед: «Ты — никто». Ночь на Десне. Макошь с нитью. Три имени. Капище на Благовещенской горе. Перун, Мокошь, Велес. Осенние Деды. Банник. Шиш. След сапога с востока. Сон Жданы. Заказ отца: выковать наконечник.

Глава 2. «Три имени» — Радим

Три испытания: гребень Ждана в золе, гусли перед всеми, бой палками с Мечиславом. Зарево на юге. Игрища с умыканием. Пляска со спущенными рукавами. Сговор отцов. Лёля. Умыкание по-своему. Спасение Войко. Наконечник — условие отца Лёли.

Глава 3. «Сын Буйтура» — Вятиша

Ока. Убийство пленного. Пустота. Медведь-Велес: «Ты — вящий». Отец Буйтур. Погиб брат Хотимир. Вече. «Война за стол» — смех с матерями. Ладьа аваров на Оке. Обряд перед Перуном. Меч деда Вятко. Тризна по брату — один. Гонец к радимичам.

Глава 4. «Дочь сказительницы» — Любава

Голос пропал. Купала через три дня — дедлайн. След сапога на берегу Великой. Лодка, порог. Дуб, родник. Гамаюн — три испытания: ветер, грусть, чужая радость. Голос вернулся. Купала. Кривой венок. Купец с севера — весть об аварах. Лодка с юга — два парня.

Глава 5. «Кто я без силы?» — Вятиша

«Лесная школа» Мечислава. Авары — дедлайн. Медведь. Река вброд — спасение Хвоста. Полевик. Чужой след в лесу — радимичский. Брюхо в капкане. Поединок с Добрыней — проиграл три, встал четыре. Меч от отца. Гонец к радимичам. Встреча с Радимом на капище. Вместе — к Любаве.

Глава 6. «Кто я без голоса?» — Любава

Голос есть. Радим у кривичей. Вятиша ушёл — береста с рунами. Домовой, леший, русалка, кикимора. Избушка на курьих ногах — бегство от болотников. Вечёрка. Радим берёт за руку. Раненый — гонец от аваров. Исцеление. «Ты — ведунья». Авары на Великой. Сбор.

Эпилог к первой книге

Макошь прядёт нити. Три героя в последней ночи. Авары идут. Завтра — бой.

Сообщество «Три огня»

Об авторе

Введение. Как устроена эта книга

Три героя. Три племени. Три огня

Эта книга — о трёх подростках, которые жили тысячу четыреста лет назад.

Радим — из племени радимичей. Он живёт на реке Десне, на Благовещенской горе. Он знает руны — древние знаки, «черты и резы». Но он не помнит имён своих предков. И однажды дед говорит ему при всех: «Ты никто».

Вятша — из племени вятичей. Он живёт на Оке. Он сильный. Он умеет биться. Но его старший брат погиб, и Вятша не знает, зачем ему сила, если она не спасла брата.

Любава — из племени кривичей. Она живёт на реке Великой. Она видит образы — то, чего не видят другие. Она хочет рассказывать истории, как бабушка. Но бабушка умерла, а голос пропал.

Они не знают друг друга. Пока. Они живут далеко. Они разные. Но пути сойдутся. На берегу Десны. Ночью. У костра. Они пройдут через тьму. И зажгут свои огни.

Три огня — что это?

Огонь Радима — это знание. Но не то, что лежит в книгах. А то, что живёт в памяти рода. Знание, которое передаётся от деда к внуку. Которое надо заслужить.

Огонь Вятши — это защита. Но не месть. И не сила ради силы. А сила, которая знает, зачем она. Сила, которая защищает слабых. Сила, которая служит Правде.

Огонь Любавы — это творчество. Но не украшение. И не забава. А способ видеть мир. Способ понимать то, что нельзя объяснить словами. Способ создавать новое из старого.

Три огня. Три пути. Три способа познания мира. Вместе — они полнота. Вместе — сила. Вместе — жизнь.

Как читать эту книгу

Трилогия состоит из трёх книг. В первой книге шесть глав и эпилог.

Приключения — это не всё, что здесь есть. Ещё это разговор. С тобой. О тебе.

После каждой главы два блока.

1. «Мой огонь» — для подростка

Этот блок для тебя.

Здесь вопросы — не простые, такие, на которые нельзя ответить одним словом. Над которыми надо подумать. Которые касаются тебя, твоей жизни, твоей семьи, твоих чувств.

Здесь задания — не для галочки. Такие, которые надо сделать в реальном мире. Сегодня, не завтра. Такие, что оставят след в тебе, в твоей семье, в твоей памяти.

А ещё здесь — рефлексия. Не проверка. А разговор с собой. Что я узнал? Что почувствовал? Что сделал? Что хочу сделать дальше?

«Мой огонь» — это твой путь. Ты идёшь сам. Ты решаешь сам. Ты зажигаешь сам.

2. «Моя мудрость» — для взрослого

Этот блок для родителей, учителей, всех, кто рядом с подростком. Для тех, кто хочет быть рядом, но не знает как.

Здесь не объяснения. Не инструкции. Не готовые решения.

Здесь о внимании. О настройке. О присутствии. Как спросить, не допрашивая. Как помочь, не делая за ребёнка. Как быть рядом, не мешая.

Здесь истории. О том, как другие взрослые проходили через это. Ошибались. Находили.

«Моя мудрость» — не урок. Это приглашение быть рядом. Молчать. Вспоминать. Искать — вместе.

Почему так устроено?

Потому что книга не конец. Книга начало.

Начало разговора. Начало пути. Начало памяти.

Радим ищет три имени. Три предка. Три нити. Ты тоже можешь найти. Свои. Три. Или больше.

Вятша ищет смысл силы. Ты тоже можешь найти. Свой. Смысл. Своей силы.

Любава ищет голос. Ты тоже можешь найти. Своё. Своё творчество.

Книга не даёт ответов. Она задаёт вопросы. Хорошие. Честные. Твои.

Об исторической основе

Эта книга художественная. Но не выдуманная из головы.

Племена — радимичи, вятичи, кривичи — реальные. Они жили на этих землях. Говорили на одном языке. Имели общие корни. В VI веке, когда происходит действие, эти племена ещё только складывались. Славяне расселялись по Восточно-Европейской равнине, смешиваясь с местными балтами и финно-уграми, перенимая друг у друга обычаи и украшения. Названия этих племён мы знаем по «Повести временных лет» (XII век). В VI веке это были их предки, носители археологических культур: колочинской (радимичи), мощинской (вятичи), псковских длинных курганов (кривичи). Но главное — язык, вера и память предков — было уже общим.

Боги — Род, Макошь, Перун, Велес, Лада, Морена, Ярило — реальные. В них верили. Им приносили жертвы. Их просили о помощи. Греческий историк Прокопий Кесарийский, современник героев книги, писал о славянах: «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми». И ещё: «Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества».

Духи — домовый, леший, русалка, кикимора, банник, овинник, болотник — реальные. В них верили. С ними жили рядом. Их уважали. Их боялись. Но не как чудовищ, как соседей. Тех, кто живёт рядом. Кто помогает. Кто защищает.

Обычаи — тризна, обряд памяти, календарные праздники — реальные. Они описаны в летописях. О них рассказывают археологи. Капище на Благовещенской горе — реальное. Ров, вал, площадка, длинное сооружение с земляными скамьями, жертвенник с рогатыми кирпичами — всё это найдено археологами. Каким богам были посвящены идолы — учёные восстанавливают по косвенным данным.

Руны — «черты и резы» — упоминаются в древних источниках. Учёные спорят о том, чем они были: полноценной письменностью, ритуальными знаками или родовыми метками. В этой книге руны знаки памяти. Знаки, за которыми стоят имена. Имена предков.

Десна — река, где встречались радимичи и вятичи. Место встречи. Место диалога. Место книги.

Природа VI века

Земли, где жили радимичи, вятичи и кривичи, были покрыты густыми лесами. Сосна, ель, берёза, дуб, липа, клён, ясень, вяз, орешник сплетались в непроходимую чащу. Весной цвели черёмуха, ива, ольха; воздух наполнялся ароматом молодой листвы. Летом лес пах земляникой, малиной, ежевикой, грибами и смолой. Осенью краснела рябина, желтела

листва, летели паутинки, а воздух становился прозрачным и холодным. Зимой стояли трескучие морозы, снег лежал по пояс, реки замерзали до весны.

В лесах водились медведи, волки, лисы, зайцы, белки, куницы, бобры, кабаны, лоси, косули, благородные олени; в приокских дубравах ещё встречались зубры — исполины европейских лесов. В реках — сомы, щуки, лещи, судаки, жерехи, стерлядь, осётр. Над водой кружили чайки, утки, гуси, цапли, журавли; в лесу жили филины, совы, тетерева, глухари, рябчики, дятлы, кукушки, соловьи.

Три великие реки задавали ритм жизни племён. Десна несла воды среди дубрав и пойменных лугов, где в старицах прятались щуки, а в зарослях — бобры. Ока текла сквозь сосновые боры и дубравы, связывая лесные просторы с далёкими землями. Великая петляла между моренными холмами, соединяя озёра и уводя к северным водам. Погода менялась быстро: утром — туман, днём — солнце, к вечеру — дождь, ночью — звёзды. Славяне умели читать природу: по птицам, зверям, травам, небу — и находили в ней ответы на свои вопросы.

Три принципа славянской педагогики

В основе книги три принципа, которые славяне знали тысячу лет назад.

1. Чтить предков. Помнить имена. Знать род. Чувствовать нить, которая связывает тебя с теми, кто был до.

2. Славить родных богов. Видеть в мире живое. Понимать язык природы. Жить по Правде, не по правилам, а по совести.

3. Жить в гармонии с природой и по совести. Слышать голос рода. Действовать по совести, совместной вести от богов и предков.

Радим учится первому. Вятша второму. Любава третьему.

А ты? Чему учишься ты?

Твой огонь

Эта книга о них. Радиме. Вятше. Любаве.

Но на самом деле о тебе.

Потому что у каждого свой огонь. Свой путь. Своя нить.

Радим ищет имена. Ты тоже можешь найти свои.

Вятша ищет смысл — какой он для тебя?

Любава ищет голос — ты слышал свой?

Три огня ждут.

Ты готов?

Тогда открой первую страницу.

Вперёд. К огню. К памяти. К себе.

Глава 1. «Кто я без имени?»

1

Радим бежал.

Не шёл. Не крался. Бежал так, что трава хлестала по босым ногам, рубаха трепыхалась за спиной, сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание.

За спиной остался костёр на берегу Десны. Большой. Общинный. Тот, у которого собрался род. Тот, у которого он, Радим, сын Горазда, внук Велимира, стоял минуту назад. Стоял и держал в руках кусок берёзовой коры, испещрённый знаками.

«Черты и резы».

Он знал их. Все до единой. Три луны учил. Тайком, потому что дед запрещал. По ночам, при лучине, потому что днём работа. Он водил пальцем по коре и шептал: это жизнь, это дорога, это вода, это дом...

Он был готов. Он знал.

И когда старейшины позвали желающих показать, чему научились за зиму, он вышел первым. Вперёд. Перед всеми. Смело.

А потом взял кору и не смог.

Руки задрожали. Знаки поплыли. Знакомые, родные чёрточки вдруг стали чужими, будто он видел их впервые. Он открыл рот и не издал ни звука.

Потому что руны это не просто знаки. Это имена. Имя предка в каждой чёрточке. Имя рода в каждой линии. А он знал знаки, но не знал имён. Он учил руны, но не учил род.

Он стоял. Перед всеми. И не мог произнести ни одного имени. Ни своего прадеда. Ни прапрадеда. Ни того, кто первым начертал эти знаки на коре. Пустота. Гулкая, как пустой горшок. Не страх. Не волнение. Пустота.

А потом поднялся дед.

Велимир. Волхв. Хранитель памяти. Тот, кто знал всё. Тот, кто учил всех. Тот, кто был, Радим знал это, его дедом. Его кровью. Его родом.

Дед вышел к костру медленно. Не спеша. Как будто не было ничего страшного в том, что внук стоит, опустив руки, с корой, которая вдруг стала тяжелее камня.

Он посмотрел на Радима. Долго. Без злобы. Без жалости. Просто посмотрел.

А потом сказал. Негромко. Но так, что слышали все.

— Ты знаешь знаки. Ты не знаешь имён. Руна без имени пустой звук. Ты пустой звук. Ты никто.

Тишина стала такой плотной, что, казалось, можно было потрогать её руками.

Радим не помнил, как выронил кору. Не помнил, как побежал. Не помнил, как оказался на берегу.

Он просто бежал. От костра. От деда. От себя.

2

Десна дышала.

Радим лежал на песке, у самой кромки воды, и смотрел, как река несёт свои воды медленно, тяжело, как будто сама устала от долгого пути. Здесь, в верхнем течении, Десна была не такой широкой, как дальше на юге. Но и здесь чувствовалась её сила. Тихая. Глубокая. Как у предков: не кричат, не хвастаются, а просто есть.

Холодно. Мокро. Всё равно.

Внутри пустота. Гулкая, как пустой горшок. Не горе. Не обида. Даже не злость. Просто пустота. Как будто кто-то взял и вынул из него всё: и знание, и гордость, и радость, и страх. Осталась только оболочка. Кожа. Кости. Рубаха, прилипшая к телу.

«Ты никто».

Слова деда не звучали в голове. Они были в нём. Как заноза. Как осколок. Как камень, проглоченный и застрявший в горле.

Радим закрыл глаза.

Он знал, что такое изгой. В роду говорили о них шёпотом. Изгой это тот, кто потерял имя. Тот, кто потерял род. Тот, кого отвергли свои. Такого человека не убивали, это было бы слишком просто. Его просто переставали видеть. С ним не разговаривали. Ему не помогали. Его не звали на праздники. Его не хоронили, когда он умирал. Он просто исчезал. Как дым. Как тень. Как слово, которое никто не произнёс.

Он знал это. Знал и всё равно не понимал.

Почему?

Почему дед не подождал? Почему не дал ему ещё одну попытку? Почему при всех? Почему так?

Радим открыл глаза. Над Десной поднимался туман. Белый, густой, тяжёлый. Он полз к берегу, окутывая камни, выбеленные стволы деревьев, прибрежные кусты. Где-то вдалеке ухнул филин. Плеснула рыба. Зашелестел камыш.

И в этом тумане что-то было.

Радим приподнялся на локте. Прищурился.

Силуэт. Женский. Высокий. Прозрачный. Колеблемый ветром, как дым на ветру.

Радим не видел её лица. Только контур. Тонкий. Длинный. С распущенными волосами, которые струились, как вода. И в руках что-то. Что-то длинное. Тонкое. Нить?

Он смотрел, не дыша. Сердце колотилось. Но не от страха. От чего-то другого. От того, что было сильнее страха.

«Кто ты?»

Он не произнёс это вслух. Только подумал.

Силуэт не двинулся. Но в голове у Радима прозвучал ответ. Не голос. Не слова. Просто знание. Как будто он всегда это знал, а теперь просто вспомнил.

«Ты хотел знать руны. Ты не хотел знать себя».

Радим моргнул. Туман дрогнул.

«Имя не вещь. Имя нить. Ты тянул не за ту нить».

«Какую?» — подумал Радим.

«Свою. Не чужую. Ты читал руны предков глазами. Ты не читал их сердцем».

Радим хотел спросить ещё. Хотел спросить: «Что мне делать?» Но туман уже рассеивался. Силуэт таял. И только где-то на самой грани слышимости, или чутья, прозвучало последнее:

«Вспомни. Не руны. Имена. Три имени. Три предка. Три нити. Потяни и вернёшься».

Туман ушёл. Десна дышала. Воды неслись к далёкому синему морю. Медленно. Тяжело. Как судьба.

Радим сел. Подтянул колени к груди. Обхватил их руками.

Он не знал, что это было. Сон? Морок? Макошь? Он не знал. Но он знал другое: он пойдёт. Он найдёт. Три имени. Три предка. Три нити.

Он вернёт своё имя.

3

Утро пришло серым и тихим.

Радим вошёл в поселение, и первое, что он почувствовал, это тишину. Не ту тишину, что бывает рано утром, когда все ещё спят. Другую. Густую. Настороженную. Такую, когда все видят, но молчат.

Он шёл по улице, и люди отворачивались. Не демонстративно. Не враждебно. Просто отворачивались. Как будто он был пустым местом. Как будто его не было.

Женщина, которая вчера угощала его лепёшкой, сегодня прошла мимо, глядя в сторону. Мальчишки, с которыми он бегал наперегонки к Десне, замолчали и отошли. Даже собаки, и те, казалось, не смотрели в его сторону.

Он дошёл до дома.

Мать, Милана, стояла у печи. Услышала шаги. Обернулась.

На мгновение в её глазах мелькнуло что-то — боль? страх? любовь? — но тут же погасло. Она молча поставила перед ним горшок с кашей. Молча отвернулась.

Отец, Горазд, вышел из кузницы. Посмотрел на сына. Долго. Тяжело. Ничего не сказал. Взял молот и ушёл обратно.

Сестра, Ждана, выглянула из-за занавески. Ей было семь. Она ещё не понимала, что произошло. Но она чувствовала. Она смотрела на брата, и в её глазах был страх. Как будто перед ней был чужой. Как будто брат исчез, а вместо него кто-то другой. Кто-то опасный.

Радим не стал есть. Не мог.

Он вышел из дома и пошёл к деду.

4

Велимир сидел у своего очага. Один. Смотрел на угли. Не шевелился.

Радим остановился на пороге. Не вошёл. Не спросил разрешения. Просто стоял.

— Дед.

Велимир не поднял глаз.

— Дед. Я хочу знать, почему.

Тишина. Угли потрескивали.

— Знать? — Велимир наконец посмотрел на него. Глаза серые, глубокие, как вода в омуте. — Ты хочешь знать почему? Или почему ты хочешь знать?

Радим сжал кулаки.

— Я хочу вернуть имя.

— Имя не теряют. Имя не находят. Имя помнят.

— Я помню! — голос Радима сорвался. — Я помню всё! Я знаю руны! Я знаю знаки! Я...

— Ты знаешь руны, — Велимир произнёс это медленно, будто взвешивая каждое слово.

— А кого ты помнишь?

Радим замолчал.

Он не понял. Руны это знание. Память это имена. Разве это не одно и то же? Разве знать знаки не значит помнить тех, кто их создал?

Велимир смотрел на него. Долго. И в этом взгляде было что-то такое, от чего Радиму стало стыдно. Не за позор. За непонимание.

— Иди, — сказал дед. — Иди и вспомни. Кто ты без рун. Без имени. Без рода.

Он отвернулся.

Радим постоял ещё немного. Потом вышел.

5

Он шёл по берегу Десны. Туда, где ночью видел силуэт. Может, это был сон. Может, морок. Но он шёл.

«Три имени. Три предка. Три нити».

Он не знал, с чего начать. Не знал, кого спрашивать. Вообще ничего не знал. Но шёл.

И вдруг остановился.

У воды, на сером валуне, который всегда здесь лежал — Радим помнил его с детства, они с мальчишками лазали по нему — кто-то процарапал знак.

Радим присел. Провёл пальцем по камню. Глубокие борозды, выветренные, старые. Не свежие. Знак был высечен давно. Может, луну назад. Может, год. Может, до того, как он родился.

Он узнал его. Руна «имя». Он учил её. Три луны учил. Знал, как рисуется, что значит, где стоит в ряду знаков.

Но прочитать не смог.

Не потому что забыл. Не потому что испугался. А потому что руна была не его. Те же черты, те же резы — но в другом порядке. Чуть-чуть. На волос. Как слово, которое ты знаешь, но кто-то сказал его с другим ударением — и ты не понимаешь.

Радим сидел на камне. Смотрел на чужой знак. И внутри, под пустотой, под страхом, под всем, что навалил на него дед, шевельнулось что-то новое. Не обида. Не горе.

Злость.

Тихая. Глухая. На самого себя. Потому что он учил руны — и не мог прочитать. Потому что дед был прав — и это было хуже всего.

Он встал. Оглядел берег. Никого. Только река, туман, камни. И чужой знак на камне.

Чей?

Он не знал. Но теперь у него было два вопроса вместо одного. Кто я? И чей это знак?

А может, это один и тот же вопрос.

6

Дома его ждал отец.

Горазд стоял у кузницы. Молот лежал на наковальне. Угли в горне ещё тлели — красные, горячие. Отец смотрел на сына. Долго. Тяжело.

— Завтра, — сказал он наконец. — Возьмёшь молот.

Радим вздрогнул.

— Но я...

— Ты сын кузнеца, — Горазд не повышал голоса. Но каждое слово падало, как удар. — Ты будешь кузнецом. Как я. Как мой отец. Как его отец.

— Я хочу...

— Ты ничего не хочешь, — отец шагнул вперёд. — Ты должен. Должен уметь. Должен сделать. Должен быть.

Он взял молот. Протянул Радиму.

— К осени. Наконечник для охоты. Сам. От начала до конца.

Радим взял молот. Тяжёлый. Холодный. Чужой.

— Если сделаешь, пойдёшь на охоту со всеми. Если нет, останешься здесь. Навсегда.

Он повернулся и ушёл.

Радим остался один. С молотом. С углями. С заказом.

Он не знал, что это не просто наконечник. Он не знал, что это знак. Знак того, что он может. Знак того, что он нужен.

Он просто стоял. С молотом в руках. И смотрел на угли.

А угли тлели. Красные. Горячие. Как огонь.

7

А вечером пришли соседи.

Радим сидел у очага. Смотрел на огонь. Мать что-то варила. Отец чинил сеть. Ждана играла куклой-пеленашкой, тряпичной, без лица.

В дверь постучали. Не палкой о палку, как стучат свои. Просто вошли.

Двое. Мужики. Из соседнего рода. Через лес километров десять.

— Мир вам, — сказал старший. — Мы от Люта. С вестью.

Отец встал. Молча. Кивнул.

— Что за весть?

— Авары, — сказал гость. — Идут. С востока. Много. С конями. С оружием.

Отец молчал. Долго. Смотрел на огонь.

— Когда?

— Через луну. Может, меньше.

Отец кивнул. Сел обратно. Взял сеть. Продолжил чинить.

— Знаем, — сказал он. — Готовимся.

Гости переглянулись. Кивнули. Сели к огню. Мать молча поставила перед ними горшок с кашей.

Радим смотрел на них. На отца. На мать. На Ждану. Род собирался. Род готовился. Род знал.

А он, Радим, сын Горазда, внук Велимира, сидел и молчал.

Ночью он не спал.

Лежал на лежанке. Смотрел в потолок. Слушал.

Отец храпел. Ждана сопела во сне. Мать дышала ровно.

А потом мать встала. Тихо. Как будто хотела выйти. Но не вышла. Села у очага. И отец проснулся. Тоже тихо. Сел рядом.

И Радим услышал. Не всё — они шептали. Но слышал.

— ...авары дойдут — род соберётся, — говорил отец. Голос глухой, усталый. — Все, кто носит имя. Все, кто за валом.

— А он? — мать.

Пауза. Долгая.

— Он «никто», Милана. Сам Велимир сказал.

— Он сын твой.

— Он сын. Но без имени сын — что полено без огня. Теплит, пока не сгниёт.

Мать молчала. Радим слышал, как она дышит. Часто. Рвано.

— Он найдёт, — сказала она наконец. — Он найдёт.

— Может, и найдёт, — ответил отец. — А может, авары раньше придут.

Тишина. Угли потрескивали. Где-то за стеной ухнул филин.

Радим лежал. Не двигался. Внутри было не пусто. Внутри горело. Не огнём — тлеющим углем, красным, тяжёлым, от которого не убежишь.

Отец прав. Дед прав. Все правы.

Кроме него.

Он повернулся на бок. Закрыв глаза.

И думал не о трёх именах. Думал о том, что времени нет. Луна. Может, меньше.

Луна, чтобы найти то, чего он не нашёл за тринадцать лет.



8

Утром его разбудил дед.

Велимир вошёл в полуземлянку. Молча. Сел у очага. Посмотрел на Радима. Долго.

— Пойдём, — сказал он.

— Куда? — спросил Радим.

— К богам.

Больше дед ничего не сказал. И Радим не спрашивал. Он знал: если дед зовёт, надо идти.

Они вышли из поселения и поднялись по склону Благовещенской горы. Капище было здесь же, на вершине. Не в двух днях пути, не за лесами. Рядом. Над Десной. Над их жизнью. Просто Радим туда не ходил. Детей туда не пускали без нужды. А нужды не было. Пока.

Капище открылось внезапно. За валом, обросшим мхом, глубокий ров. Через ров мост из брёвен. За мостом площадка округлая, большая, локтей шестьдесят в поперечнике. По краю вала длинное сооружение, изогнутое полумесяцем, бревенчатое, с земляными скамьями внутри. Здесь пировали. Здесь решали. Здесь пели славу богам.

А перед лицом богов идола.

Они стояли полукругом, врытые в землю. Столбы деревянные, толстые, высокие, пять или шесть локтей. Радим насчитал пять. Дед говорил, раньше было десять. Или двенадцать.

Первый слева Перун. Громовержец, бог воинов и грозы. Лик суровый, глаза глубоко посаженные, усы длинные. В руке копьё. У подножия глиняные сосудики для жертв.

Рядом Мокошь. Пряха, богиня судьбы. Женщина с длинными волосами, с прялкой, с нитями в руках.

Справа Велес. Скотий бог, мудрец, хозяин Нави. Лик хитрый, с бородой, с глазами, которые смотрели будто сквозь. У его подножия горловина огромного сосуда, глиняного, в виде головы медведя. С широко разинутой пастью.

Ещё два идола по бокам, меньше, не такие страшные. Радим не знал их имён. Может, Лада. Может, Леля.

Перед идолами помост деревянный, низкий. Жертвенник. На нём следы огня, кости животных, угли, зола. И рогатые кирпичи, подставки для вертелов.

Дед остановился у входа. Радим за ним. Не смел идти дальше. Не потому что боялся. Потому что чувствовал: здесь не как везде. Здесь иначе.

Дед Велимир вышел вперёд. Поднял руки.

— Свароже! Перуне! Мокошь! Велесе! — сказал он громко. — Примите дары наши. Примите славу нашу. Примите память нашу.

Он бросил в огонь зерно, мёд, хлеб. Пламя вспыхнуло. Запахло дымом, сладким, тревожным.

Все опустились на колени. Молча. Смотрели на огонь. На идолов. На дым, уходящий в небо.

А Радим стоял. Не мог двинуться.

И вдруг понял: вот зачем дед привёл его сюда.

Не для славы. Не для жертвы. Для памяти. Потому что здесь, у идолов, память не абстрактная. Она живая. Её видно. Её слышно. Её можно потрогать.

Он посмотрел на Мокошь. На её прялку. На её нити.

И почувствовал что-то. Тихое. Глубокое. Как будто нить натянулась. От него куда-то далеко. К Ждану. К Любаве. К Вятичу. К тем, кого он искал.

9

А потом был обряд.

Осенние Деды. Праздник почитания ушедших. Тех, кто ушёл в Навь. Тех, кого помнят. Тех, кого чтут.

Они остались у капища. Поздно. Вечером. Когда солнце село. Когда тени стали длинными. Когда огонь на жертвеннике горел ярче всего.

Радим стоял у костра. Вместе со всеми. С родом. С семьёй. С памятью.

Дед Велимир вышел вперёд. Поднял руки. Лицом к идолам. К Перуну. К Мокоши. К Велесу.

— Святые Деды! — сказал он. — Идите к нам ужинать!

Тишина. Только огонь трещал. Только ветер дул. Только идолы смотрели. Молча.

— Святые Деды! — повторил дед. — Поели. Попили. Летите теперь к себе!

И все молчали. Смотрели на огонь. Думали о своих. О тех, кто был. О тех, кто есть. О тех, кто будет.

Радим вспомнил прадеда Ждана. Которого не видел. Но о котором слышал. Пленник. Который вернулся. Пешком. Без ничего. Только имя.

Вспомнил прабабку Любаву. Которую боялись. И любили. Одновременно.

Вспомнил прапрадеда Вятича. Который ушёл. И не вернулся.

Он не знал их. Не видел. Не слышал их голосов.

Но они были. В нём. В его крови. В его памяти.

Он посмотрел на огонь. На дым. На идиолов. На небо.

И понял что-то. Тихое. Глубокое. Как река. Как память. Как жизнь.

Мокошь смотрела на него. Пряла. Тянула нить. Куда-то далеко. Куда-то вперёд. Куда-то к нему.

10

Ночью Радим пошёл в баню.

Он не сказал никому. Просто взял чистую рубаху, вышел во двор, когда все спали, и пошёл к бане. Она стояла на отшибе, у самой реки. Топили её днём, а сейчас она остывала. Но Радиму было всё равно. Ему нужно было смыть с себя вчерашний день. Позор. Пустоту.

Баня стояла на отшибе, у самой реки. Бревенчатая, низкая, с крошечным окошком под крышей. Из щелей тянуло дымом и сыростью. Радим вошёл. Внутри было темно и сыро. Пахло дымом и травами. Он сел на лавку. Закрыл глаза.

И вдруг дверь захлопнулась. Сама.

Радим вздрогнул. Подскочил. Дёрнул дверь. Не открывается. Он толкнул плечом. Не поддается. Он закричал:

— Эй! Кто там?! Откройте!

Тишина. Только капли падают с потолка. Только пар шевелится в темноте.

А потом что-то зашевелилось в углу. Маленькое. Лохматое. Радим пригляделся.

Банник.

Старичок с длинной бородой, покрытой плесенью. С железными руками. С огненными глазами. Он сидел на полке и смотрел на Радима. Молча.

— Ты чего припёрся? — сказал банник. Голос хриплый, как будто он простудился сто лет назад и с тех пор не выздоровел. — Третий пар. Не положено.

Радим замер.

— Я... я не знал.

— Не знал он. Все они не знают. Моются, когда хотят. Соруют, когда хотят. А потом банник виноват.

Он встал. Подошёл. Близко. Так близко, что Радим почувствовал запах сырости и старого дыма.

— Что мне с тобой сделать? — сказал банник. — Запарить? Содрать кожу? Или просто напугать, чтобы помнил?

Радим сглотнул. Он вспомнил слова деда: «Банника можно задобрить. Хлебом с солью». Хлеба не было. Соли тоже.

Но было другое.

Радим полез за пазуху. Достал кору с рунами. Ту самую. Положил её на полку. Перед банником.

— Это тебе, — сказал он. — За пар. За то, что пустил.

Банник посмотрел на кору. Долго. Потом на Радима. Потом снова на кору.

— Знаки, — сказал он. — Память. Ты отдаёшь мне память?

— Отдаю, — сказал Радим. — У меня ещё будет. А тебе пусть будет.

Банник молчал. Долго. Потом засмеялся. Тихо. Хрипло. Как будто закашлялся.

— Ладно, — сказал он. — Иди. Но в следующий раз хлеб принеси. С солью. А то запарю. Дверь открылась. Радим выскочил. Упал на снег. Дышал. Тяжело. Глубоко. Живо.

Он лежал и смотрел в небо. Звёзды были крупные, яркие, как будто кто-то рассыпал по небу зерно.

И вдруг он засмеялся. Тихо. Сам не зная чему. Может, тому, что жив. Может, тому, что банник не злой. Может, тому, что даже в бане можно найти друга. Если не бояться.

11

Он возвращался домой через перекрёсток.

На перекрёстке дорог что-то шевелилось. Маленькое. Вертявое. Радим остановился.

Шиш.

Мелкий мужичок. Голова с ноготок. Нос огромный. Глаза хитрые. Он стоял на обочине и смотрел на Радима.

— Ты кто? — спросил Радим.

— Шиш, — сказал мужичок. — А ты?

— Радим.

— Знаю. Слышал. Ты тот, кто никто.

Радим вздрогнул. Но шиш уже не смотрел на него. Он вертелся на месте, свистел, пугал уродливой тенью. Как будто играл. Как будто ему было скучно.

— Ты чего? — спросил Радим.

— Скучно, — сказал шиш. — Все идут мимо. Никто не разговаривает. Все боятся. А ты не боишься.

— Боюсь, — честно сказал Радим.

— Ну и дурак, — сказал шиш. — Я же маленький. Что я тебе сделаю?

Радим задумался. И правда что?

Он посмотрел на шиша. Потом сделал кукиш.

— На, — сказал он. — За скуку.

Шиш вытаращил глаза. Потом обиделся. По-настоящему. Губы задрожали.

— Ты чего?! Я же от души! Я же поиграть!

— От души это когда хлеб дают, — сказал Радим. — А ты дразнишься.

Шиш задумался. Долго. Потом вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Иди. Но если ещё раз на перекрёстке увижу, не отвертись.

Радим пошёл дальше. А шиш побежал за ним. И подсказал дорогу. Потому что ему было скучно. А Радим первый, кто с ним поговорил. По-настоящему.

12

Дома его ждали.

Мать у печи. Отец у верстака. Ждана у плетня. Все живые. Все свои.

Радим вошёл. Остановился. Посмотрел на них. Долго. Молча.

— Я вернулся, — сказал он.

Мать отвернулась. Отец кивнул. Ждана подбежала. Обняла. Крепко. Молча.

Радим обнял её в ответ. И почувствовал: что-то меняется. Внутри. Медленно. Тихо. Как река весной.

Он сел за стол. Взял ложку. Попробовал кашу. Вкусно. Первый раз за два дня — вкусно.

А потом посмотрел на отца. И сказал:

— Я выкую наконечник.

Отец не ответил. Только кивнул. Один раз. Но Радим понял: это больше, чем слова.

Все легли спать. Радим — последним. Лежал. Смотрел в потолок. Думал.

Луна. Может, меньше. Три имени. Три нити. Три предка.

И чужой знак на камне, которого он не мог прочитать.

Глаза закрывались. Он устал так, что даже думать было тяжело. Проваливался в сон — медленно, как в тёмную воду.

И уже на самом краю — на грани сна и яви — услышал.

Ждана.

Она говорила во сне. Тихо. Одними губами. Но Радим слышал. Потому что лежал рядом. Потому что в полуземлянке было тихо. Потому что, может, должен был услышать.

— ...мальчик... — шептала Ждана. — На большой реке... Он тоже бежал... От кого-то...

Радим открыл глаза.

— ...у него тоже не было имени...

Сердце стукнуло. Один раз. Гулко. Как камень в пустой горшок.

Радим сел на лежанке. Посмотрел на сестру. Спала. Дышала ровно. Кукла-пеленашка прижата к груди. Лицо спокойное. Никакого беспокойства. Просто сон. Просто девочка во сне.

Большая река. Мальчик без имени. Бежит от кого-то.

Не Десна. Десна здесь, за стеной. Другая река. Шире. Дальше.

Ока?

Радим не знал. Не мог знать. Но что-то в нём — тихое, глубоко, на самом дне — дёрнулось. Как нить, которую кто-то потянул с другого конца.

Он лежал. Смотрел в потолок. До утра не уснул.

А утром вышел из дома — остудить руки после ночи без сна. Прошёл к реке. К тому камню, где вчера нашёл чужой знак.

Знак был на месте. Старые борозды, выветренные, те же.

Но рядом, на мокром песке, у самой кромки воды — след.

Не звериный. Не босой ноги.

Отпечаток сапога. Кожаного. С узором, какого не носят в его роде. И не носили. Никогда.

След вёл с востока. Не с запада, откуда авары. С востока. От Оки.

И уходил в лес. Свежий. Ночной. Роса ещё не высохла на траве у его краёв.

Радим стоял. Смотрел, как след исчезает среди деревьев. Десна дышала за спиной. Туман полз над водой.

Кто-то пришёл.

Конец первой главы.

«Мой огонь» — для подростка

Я после главы

Радима унизили. Публично. При всех. Дед сказал: «Ты никто». И все отвернулись. Даже мать. Даже сестра.

Что ты почувствовал, когда читал? Стыд за Радима? Злость на деда? Может быть, что-то другое, чему трудно найти название?

Бывало в твоей жизни так, что тебе говорили: «Ты не можешь»? Что ты чувствовал тогда?

Что я смогу

Славяне VI века жили родами. Большими. Своими. Род решал всё: где жить, с кем воевать, кому помогать. Человек вне рода погибал. Имя было не просто словом. Это была нить, которая связывала с предками.

Мальчиков с семи лет учили мужским делам: охота, оружие, следы. Девочек учили женским: травы, огонь, вода, голос, дом. И когда приходила беда, род выживал, потому что каждый знал своё место в общем деле.

Задание для мальчика. Научись читать следы. В лесу, в парке, во дворе. Найди три разных следа: заячий, собачий, птичий. Определи, кто оставил, куда шёл, торопился или нет. Запиши три вывода. Это навык, который помогал выжить охотнику.

Задание для девочки. Научись разжигать огонь без спичек. Кремень, трут, сухая трава, береста. Запиши, что получилось. Это не «на всякий случай». Это то, что женщина в роду умела всегда.

Пойди — сделай

Радим пошёл в лес один. Ночью. И вернулся. С именем, пусть пока не найденным, но с решением его найти.

Пойди — сделай. Найди своего предка. Не бабушку. Не дедушку. Прабабушку или прадеда. Спроси у родителей. Запиши одно имя. Одну историю. Одну нить.

Потом сделай одно дело, которое тебе не по силам. Не потому что оно трудное. А потому что ты боишься. Сделай его. Сегодня. Не завтра.

«Моя мудрость» — для родителя и семьи

Что я почувствовал

Дед сказал при всех: «Ты никто». Весь род отвернулся. Мать молча поставила кашу. Отец взял молот и ушёл. А потом, ночью, мать сказала отцу: «Он найдёт». А отец ответил: «А может, авары раньше придут».

А теперь отложите книгу. Эта глава не про древних славян. Она про ваш дом.

О чём вы подумали после главы? Вспомнили, как вас когда-то отвергли? Или как вы сами — может быть, не словами, а молчанием — дали ребёнку понять: ты не справился?

Запишите. Не для отчёта. Для себя.

Разговор с ребёнком

Спросите: что тебя удивило в этой главе? Удивление честнее чувства — его труднее под-
делывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.